

PLANNING

- Imagine Dragons** — Enemy
- Saint Chaos** — Blind spot
- League of Legends & PVRIS** — Burn it all down
- DeeLyle** — Devil's den
- Bring me the horizon** — in the dark
- Lowborn** — Dark inside
- Jenings Couch** — Chemical roulette
- Jaymes Young** — Infinity
- PVRIS** — Anyone Else
- Saint Chaos** — Take out the trash
- Citizen Solider & Royal Bliss** — Through hell
- Justine Skye** — Collide (feat. Tyga) [Speed up Remix]

Ночь родила ещё Мора ужасного с чёрною Керой.
Смерть родила она также, и Сон, и толпу Сновидений.
Мома потом родила и Печаль, источник страданий,
И Гесперид, — золотые, прекрасные яблоки холят
За океаном они на деревьях, плоды приносящих.
Мойр родила она также и Кер беспощадно казнящих.
[Мойры — Клофо именуются, Лахесис, Атропос. Людям
Определяют они при рожденье несчастье и счастье.]

Гесиод. «Теогония»¹

¹ Текст приводится по изданию: Эллинские поэты VII—III вв. до н. э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика. *Перев. В. В. Вересаева*. М.: Ладомир, 1999 г.

1

Санкт-Данам, 2032 год с момента объединения трёх миров

Не обращая внимания на разговоры, привычным движением я вставила ствол в затвор, за ним установила возвратную пружину, присоединила затвор к раме, оттянула назад в крайнее положение и отпустила, полностью собрав пистолет. Прежде чем вставить магазин с патронами, проверила, что всё работает верно.

— Держи, — сказала я, протягивая Сирше оружие рукоятку вперёд. Подобные действия я совершала сотни раз, поэтому растерялась от искреннего шока на лице подруги. — Что?

— Проклятье, Кассия, — пролепетала побледневшая Сирша. — Ты меня немного пугаешь. Эти штуки убивают, а ты собрала его и глазом не моргнув.

Я хмуро покосилась на трёх притихших посетителей стрелкового клуба. Молодые парни прекратили болтать и с интересом рассматривали меня с головы до ног. Один из них расплылся в улыбке, когда наши взгляды встретились. Я нахмурилась, едва сдержав желание поморщиться. Девушка, работающая в таком месте и собирающая пушки быстрее многих мужчин, вызывает у последних странную реакцию, которая временами раздражает до зуда на коже. На

мне простые голубые джинсы, светлые кроссовки и чёрная толстовка. Было бы на что пялиться.

— Меня беспокоит твоя подработка здесь. Неужели Руфус не может поставить тебя за кассу? Сделать администратором, например, — недовольно пробубнила Сирша и, с трудом пряча брезгливую гримасу, взялась за рукоять пистолета.

— Не прикидывайся, ты знаешь, как держать ствол, — строго напомнила я, не восприняв её жеманство всерьёз.

— Рукоять наверняка грязная. Сколько людей сегодня его перетрогали?

— Нисколько. Этот чистый.

Я фыркнула, когда Сирша расслабилась и сразу взяла оружие увереннее.

— Неужели это госпожа чистюля?! — встрял знакомый голос.

Сирша сокрушённо вздохнула и закатила глаза, я улыбнулась, прислонившись плечом к перегородке. Руфус встал с другой стороны, скопировав мою позу и сложив руки на груди. Ему слегка за сорок, бывший военный, достаточно высок и, несмотря на обилие потребляемого фастфуда, в отличной форме. В каштановых волосах и короткой щетине нет и намёка на седину. Руфус — владелец стрелкового клуба «Подворотня» и мой начальник.

Идиотское название, он сам это признаёт. Как-то раз, перебрав виски, он проиграл в карты право придумать наименование клуба своим военным друзьям. Прошло более десяти лет, и то ли из-за ностальгии, то ли привыкнув, менять вывеску он не стал. Решил, что она под стать местному району, который действительно нельзя было назвать благополучным.

С переходом на третий курс университета, мне срочно понадобилась новая подработка, подходящая под изменившееся расписание. К сожалению, места, предоставляющие свободный график, можно было по пальцам пересчитать, и стрелковый клуб «Подворотня» сперва произвёл худшее впечатление. Да и я сомневалась, что подойду, так как об ог-

нестрельном оружии знала мало, но Руфус не увидел в этом проблемы. Так мы и познакомились полтора года назад, а на первый взгляд суровый военный оказался славным.

— Давненько не виделась. А это что у тебя? Оружие? Неужели решила пристрелить сосунка, который кинул тебя после третьего свидания? — сладким голосом поинтересовался Руфус и скорчил трагичную мину, передразнивая гримасу Сирши.

— Очень смешно, — парировала она. — И это я его бросила.

— Конечно, куколка.

— Прекрати меня так называть, лучше отмой грязь со стены. — Сирша выразительно кивнула на неоновые граффити.

Начальник бросил взгляд себе за спину и, повернувшись обратно, театрально изобразил оскорблённое выражение лица.

— Это искусство, куколка. Хотя и посредственное.

— Мой пистолет заряжен? — деловито уточнила у меня Сирша.

— Да, — ответила я раньше, чем поняла намёк.

Подруга с притворной угрозой направила дуло в левую ступню Руфуса. Несмотря на безопасность оружия и два автоматических предохранителя, третий и основной находится как раз на спусковом крючке. Зная о вероятности необдуманного нажатия, начальник отошёл чуть назад, а с его лица мигом сошла вся спесь. Я схватила ствол и отвела в сторону мишеней.

— У неё палец не на спусковом крючке, — торопливо заверила я Руфуса.

— Если причина не твой бывший, то с чего такая честь моему заведению? — Руфус попытался вернуться к шуточному диалогу, но голос оставался напряжённым.

Ему нравилось то ли заигрывать с Сиршей, то ли изводить её кличками и насмешками, потому что злилась она действительно забавно.

Сирша Кейн — моя лучшая подруга, почти сестра. Мы вместе снимаем квартиру и учимся в одном университете, только Сирша на год старше и в ближайшие месяцы окончит последний пятый курс¹.

Руфус не просто так дал моей подруге прозвища «чистюля» и «куколка». Сирша на дух не переносит беспорядок, она из тех, кто хранит в сумке салфетки не только для рук, но и чтобы попавшую на туфли грязь незамедлительно стереть. Поэтому граффити на серых стенах вызывают у неё недоумение, а старые упаковки из-под быстрорастворимой лапши — гримасу отвращения. Руфус выкидывает их из единственного здесь кабинета, лишь когда составленная из контейнеров башня начинает опасно покачиваться.

Прозвище «куколка» Сирша получила из-за очаровательного лица и длинных волос. Натуральный светло-русый цвет подруга осветляет и перекрашивает в модное «розовое золото». Вместе с большими голубыми глазами, стройной фигурой, любовью к платьям и каблукам она правда похожа на куклу.

— Кассия хочет, чтобы я научилась стрелять, — пожаловалась Сирша в ответ, а тёмные брови Руфуса взлетели вверх.

— Ты живёшь в Санкт-Данаме и не умеешь стрелять? Кас, ты же говорила, что купила пушку, — не дождавшись ответа Сирши, спросил он у меня.

Руфус начал сокращать моё имя до трёх букв уже через неделю после нашего знакомства. Меня это порядком раздражало, пока я не поняла, что прозвища Руфус даёт исключительно тем, кто ему нравится.

— Купила, поэтому и привела Сиршу, чтобы она попрактиковалась.

— Что купила?

— «Глок-19».

¹ В нынешнем мире получение высшего образования длится пять лет.

Руфус удовлетворённо кивнул, а Сирша возмущённо за-вертела головой: наличие пистолета в доме её шокировало.

— Дала ей «Глок-17» потренироваться. Разница мини-мальная, подойдёт, — намеренно игнорируя подругу, доба-вила я.

— Хороший выбор, — одобрил Руфус и посмотрел на Сиршу, став серьёзнее. — Привыкай к весу оружия, кукол-ка. Ты живёшь в Санкт-Данаме. Прекрасный город. Может, лучший из тех, что сейчас существуют, но и самый опасный. Сама знаешь почему.

Руфус закатал правый рукав рубашки, демонстрируя свой *ахакор* — обязательную татуировку от запястья до локтя.

Ахакор есть у каждого, различаются татуировки разве что дизайном и используемым при её создании металлом. У бо-гатых чернила смешаны с золотой или платиновой пылью, представители среднего класса способны оплатить чернила с серебром, а самые бедные выбирают медь, латунь, желе-зо или олово. У Руфуса узор мерцает серебром при каждом движении руки. У меня и Сирши — медь.

— Ахакор, — напомнил Руфус, тыча в свою татуиров-ку, — защитит твои мозги, а пушка от посягательств на тело. Вроде ты давно совершеннолетняя, куколка, пора научиться. Толку хранить ствол, если не умеешь им пользоваться?

Я уверенно кивала в такт наставлениям Руфуса, губы невольно растянулись в довольной улыбке, но приятное ощущение оборвалось из-за прикосновения к моему плечу. Пульс моментально подскочил, и тело дёрнулось, чтобы уй-ти от возможной опасности. Шаг вперёд был таким резким, что, обернувшись, я чуть не врезалась в Сиршу. Мне при-шлось несколько раз моргнуть, чтобы паническая пелена со-шла и зрение прояснилось.

— Извините, — сказал молодой человек, один из посети-телей. Ранее я объяснила им технику безопасности, а затем оставила ознакомиться с остальными правилами заведения и подписать бумаги, подтверждающие, что они совершенно-летние и осознают риски при неаккуратном обращении

с оружием. — Мы всё прочитали. Вы могли бы помочь нам собрать винтовку?

— Я принесла вам собранную.

— Мы её разобрали.

Я нахмурилась, тревожный пульс не позволил быстро оценить намёк и заинтересованные взгляды его дружков.

— Ничего, парни, — встрял Руфус, уложив широкую ладонь мне на плечо. — Я вам соберу. И не просто соберу, но и вас научу. Да так, что вы с закрытыми глазами сможете повторить.

Улыбка начальника стала довольной и угрожающей, он отодвинул меня в сторону, и предложение троицы, наконец, стало очевидным.

При приёме на работу Руфус предупреждал, что девушка в стрелковом клубе может получать излишнее внимание, но я не понимала его тревог, пока меня не попытались облапать в первый же месяц. Тому мудаку я заехала прикладом винтовки в живот и добавила ударом ноги.

Несмотря на устроенные неприятности, Руфус встал на мою защиту и, кажется, сломал крестину нос. Я была пострадавшей, но полиция не посчитала приставания достаточным аргументом для нанесения увечий обидчику. Нам с Руфусом пришлось оплатить штраф и медицинские счета того придурка. Начальник оказал мне неоценимую поддержку. Сперва боялась, что он выгонит меня, предпочтя избавиться от проблем, однако Руфус заверил, что у него раньше работали девушки и подобные ситуации не приносили ему критичных убытков, иногда, наоборот, присутствие девушки помогало привлечь в клуб женщин, которые чувствовали себя таким образом в большей безопасности. С момента первого происшествия я стала осторожнее с посетителями, хотя скверные инциденты продолжали случаться.

— Разберись с куколкой, Кас, и пообедай. Я принес бургеры. И, кстати, крутая стрижка. Мне нравится, — напоследок бросил Руфус и пошёл разбираться с троицей, которая уже не выглядела столь воодушевлённой.

Я невольно подняла руку и коснулась кончиков волос. Сегодня утром обрезала ровное каре чуть выше плеч. Думала, Сирша завопит, увидев, но вместо этого она с энтузиазмом предложила перекрасить мой натуральный пшеничный блонд во что-нибудь дерзкое. Я отказалась, не желая мучиться с отрастающими корнями. К тому же мне нравилось сочетание светлых волос с моими карими глазами.

— Хоть это место и помойка, но Руфус всё-таки ничего, — серьёзно подметила Сирша. — Ты говорила ему о своих проблемах?

Я покачала головой. Я не нервная, но, если кто-то заставит меня врасплох, могу отреагировать излишне резко. Однажды оставила Сирше болезненный синяк: двинула локтем из-за того, что она подкралась, пока у меня на голове были наушники.

— Значит, сам догадался, — пришла к выводу Сирша. — Смотри-ка. Отвлёк тебя фразой о причёске. Он молодец.

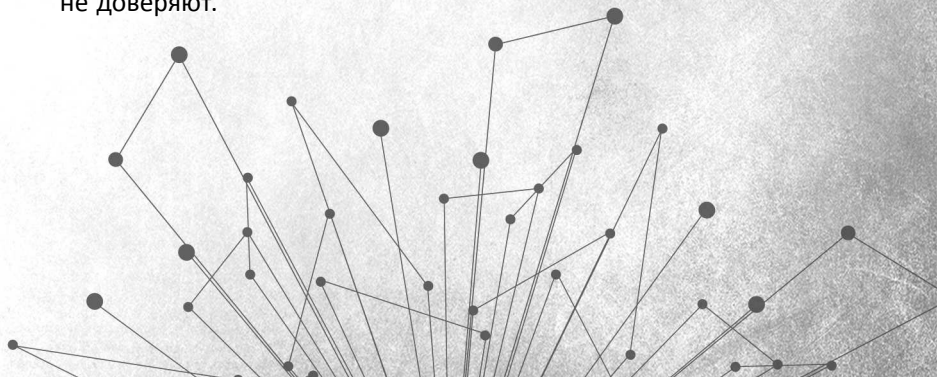
Я сосредоточилась на сердцебиении. Оно действительно успокоилось, а тревога незаметно исчезла из-за переключения на мысли о бургерах и волосах.

— Полтора года, а ты ему уже доверяешь? — усмехнувшись, бросила я.

— Это вряд ли. Такие, как мы, никому не доверяют, — со всей серьёзностью сказала подруга, но после натянуто улыбнулась, скрыв настороженность. — Так как эту штуку снимать с предохранителя?

Я скопировала её улыбку и пальцем указала на спусковой крючок, напомнив об автоматическом реагировании при сознательном нажиме.

Сирша права. Такие, как мы, выросшие в приюте, никому не доверяют.

2

Я устало зевнула, покинув стрелковый клуб, расположенный в подвальном помещении. Поднялась по лестнице, чтобы оказаться во дворе между домами, и через арку вышла на улицу. Сегодня Руфус отпустил меня пораньше, за час до заката. Но в загруженный период или по выходным часто приходилось работать допоздна, и тогда начальник подвозил меня на машине до дома. Я не раз отказывалась, но он постоянно бубнил, что опасно девушке в темноте ходить одной. Мне была приятна эта незнакомая забота, хотя вначале сильно смущала.

Выйдя на оживлённую улицу, я зажмурилась от ярких солнечных лучей. Те отражались от многочисленных стеклянных высоток, заставляя здания сверкать золотыми и оранжевыми оттенками. Весна выдалась тёплая. Началась всего две недели назад, но снег сошёл, а температура поднялась так непривычно высоко, что раньше времени удалось сменить тёплую куртку на кожаную. К счастью, от работы до нашей с Сиршей квартиры всего сорок минут спокойным шагом. Мимо пронеслись машины, я свернула налево, но не заметила засмотревшегося в телефон прохожего. Незнакомец задел меня плечом. От столкновения я покачнулась, молодой человек обернулся, сбитый с толку внезапным препятствием.

Я открыла рот, но не смогла что-либо выдавить, опустив глаза к закатанным рукавам его тёплой толстовки. Его ахачкор мерцал серебром, но внимание привлекла почерневшая кожа вокруг татуировки. Парень лишь выглядел человеком.

— Извини, — бросил незнакомец и пошёл дальше.

Теневой.

Может, конечно, и лучезарный, но из них лишь единицы живут среди людей.

Не стоило пялиться. Я видела теневых каждый день, но чаще на расстоянии. Парень специально демонстрировал окружающим татуировку, зная, что люди будут его сторониться. «Не стоило пялиться», — вновь напомнила я себе, но почему-то продолжала стоять, задумчиво провожая незнакомца взглядом, наблюдая, как остальные огибают его по дуге.

2032 года назад произошло объединение трёх миров, полностью изменившее будущее. Это называется «объединение», однако на деле скорее открытие, которое, судя по учебникам истории, первую сотню лет было весьма кровопролитным.

Наша планета в основном покрыта морями и океанами, но пяти континентов и бесчисленного количества островов достаточно для существования. Я живу на самом крупном материке, и в древности, до открытия двух других миров, здесь располагались десятки разных стран, но все границы были стёрты, а человечеству пришлось сплотиться, чтобы дать достойный отпор.

До объединения люди не знали ни теневых, ни лучезарных. Были единственными разумными созданиями на планете и искали подходящее для развития топливо. Они уже тогда знали про древесину и уголь. Знали даже про газ и нефть, но не имели технологий для их извлечения, поэтому брали, что само вырывалось наружу. В тот период общество прошло несколько стадий развития культуры, политики и религии. Политеизм сменился монотеизмом и верой в Единого Бога. Однако была группа исследователей, прозванных се-

бя *кимитами*. Они развивали иную философию и уделяли внимание сверхъестественным силам, искали доказуемые проявления магии и новые виды энергии, верили, что ключ к ним крылся в молниях, которые словно заколдованные с периодической регулярностью били в одно и то же место, в металле и в зеркалах.

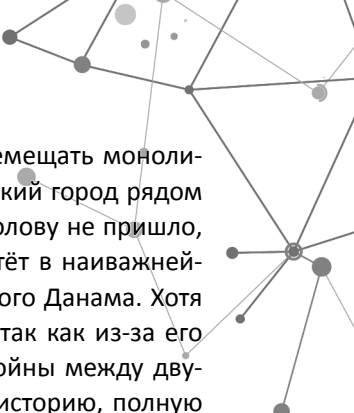
Кимитов поднимали на смех, язвительно шутили о том, что их попытки поймать молнию нелепы и бесполезны. Их нарекли глупцами и сумасшедшими, когда те принялись строить зеркальные монолиты с металлической сердцевинной. В своих экспериментах они выставляли одиннадцать таких обелисков в математически просчитанный круг. Они действительно намеревались поймать и удержать стихию.

Люди смеялись, когда те раз за разом терпели неудачи, а некоторые из них умирали из-за близкого удара молний. Никто не останавливал кимитов, так как они никому не угрожали и не причиняли вреда, чаще умирали от собственных опытов.

Десятилетиями ничего не выходило, пока среди них не появился Данам. В наши дни кто-то зовёт его математическим гением, другие величают святым, а третьи посланником тёмных сил. Что бы ни говорили, но именно ему удалось выстроить монолиты в идеально подходящей последовательности.

Как-то раз, весенней ночью разразилась гроза в нужном месте, и молния ударила в один из зеркальных обелисков, отразилась, оставив часть своей энергии, попала в следующий, а потом ещё и ещё. Ровно десять монолитов наполнились светом. Одиннадцатый же оказался повреждён. Свидетели записали, что последний столб пожрал молнию. Почернел и взорвался, разлетевшись на мелкие осколки.

Несмотря на провал с одним зеркальным обелиском, целых десять сверкали, заряжённые. Это был успех, но во все не тот, на который рассчитывали Данам и остальные кимиты, потому что извлечь собранную энергию они не смогли. И всё же эксперимент привлёк внимание многих

правителей. Сперва никто не решался перемещать монолиты, предпочтя расположить исследовательский город рядом с местом эксперимента. Тогда никому и в голову не пришло, что в итоге временное поселение перерастёт в наиважнейший мегаполис и будет назван в честь Святого Данама. Хотя святым ему удалось стать намного позже, так как из-за его открытия наша планета стала полем для войны между двумя другими мирами, имевшими длинную историю, полную взаимной неприязни.

Сочетание точной математической формулы, энергии молнии, металла и стекла создало проходы. Десять светящихся обелисков, работая исключительно в близстоящей паре, открыли пять путей в мир под названием *Даория*. Существа, внешне похожие на людей, именовали себя *даориями*, но верующие в Единого Бога, увидев, как те вышли из ослепительного света, возвели их чуть ли не до уровня ангелов и посланников Всевышнего, прозвав *лучезарными*. Сейчас только группы фанатиков по-прежнему видят в них ангелов, но определение «лучезарные» прижилось. С прекрасными ликами и спокойным мудрым нравом даории действительно произвели впечатление лучшей и более развитой версии человечества, но следом за ними появились *теневые*.

Одиннадцатый монолит оказался не уничтожен, он просто рассыпался на сотни осколков, а те потерялись в земле, открыв путь в мир под названием *Палагеда*. Нашим предкам почудилось, что *палагейцы* возникли из недр земных, поэтому к ним сразу отнеслись с подозрением и, возможно, весьма справедливо нарекли порождением греха, именуя *теновыми*, так как они вылезли будто из ночного мрака, хотя внешне, по красоте, палагейцы ничем не отличались от даориев.

К несчастью для наших предков, теновые и лучезарные происходили из единого народа, а вследствие разделения и конфликтов стали непримиримыми соперниками или даже врагами. При их встрече 2032 года назад началось именно

то, что, по их словам, случалось всегда — война, они использовали наш мир в качестве поля боя.

Так развязалась многолетняя битва «Света и Тени». Наши города горели, страны исчезали, люди умирали сотнями, оказавшись между двух огней.

Даории и палагейцы превосходили любого человека силой, ловкостью и продолжительностью жизни. Они никак не использовали людей, воспринимая тех частью примитивной фауны. Не брали в расчёт их судьбы, желания и попытки создать цивилизацию. Точно так же, как мы не спрашивали белок и зайцев, хотят ли те, чтобы на месте их леса построили город. Позднее выяснилось, что наш мир не первый, пострадавший из-за конфликта тeneвых и лучезарных.

Человечество очутилось на грани вымирания, а наши земли могли превратиться в пепелище. Люди попытались закрыть проходы, но удалось это лишь тeneвым. И то один раз. Те уничтожили два светящихся монолита, ведущих в Даорию, но осталось ещё восемь обелисков, то есть четыре портала. Однако люди ужаснулись, осознав, что связь с Даорией оборвать можно, а с Палагедой — нет. Что делать с разлетевшимся на части одиннадцатым монолитом, никто не знал. Чёрные осколки были разбросаны по слишком обширной территории, каким-то образом сохранив возможность прохода в чужой мир. Именно в тот момент отчаяния Данам из первооткрывателя, сектанта и гения превратился в святого, потому что сплотил людей и нашёл защиту от тeneвых и лучезарных.

Металл.

Выяснилось, что состав наших сплавов отличается от металлов Даории и Палагеды. Наши стальные мечи, а позднее огнестрельное оружие убивали палагейцев и даориев с той же лёгкостью, что и любого человека. Поразительное открытие, но недостаточное для победы. Люди всё равно уступали более развитым представителям других миров.

По всем подсчётам войну «Света и Тени» нам было не пережить, но, дав неожиданный отпор, люди заинтересова-

ли палагейцев и даориев. Наверное, заинтересовали так же, как если бы наши обезьяны внезапно принялись ковать мечи и разговаривать на едином языке, объединяясь в союзы. Возможно, теньевые и лучезарные разглядели человеческое стремление к жизни и развитию, поэтому прекратили разорять нашу землю. Между собой они также пришли к перемирию, решив не просто дать людям шанс, но даже помочь, наградив благами, до которых мы додумывались бы тысячами, а может, и вовсе никогда бы не постигли.

Палагейцы даровали нам *зареву* — нескончаемую безопасную энергию, циркулирующую по металлу. Такое название было объяснено тем, что изначально энергия передвигалась лишь по красным металлам, и её свет был алым или оранжевым, но спустя столетия палагейцам и даориям удалось разработать сплавы для получения более комфортного белого света.

Однако зареву способно передвигаться только по металлам из их миров, поэтому даории внесли свою лепту и смогли проложить подземные магистрали, чтобы зареву свободно циркулировало по городам. Нам лишь смутно известны условия соглашения между теньевыми и лучезарными, но они договорились не использовать нашу территорию для личных разборок. Сейчас мы являемся связующим пунктом между Даорией и Палагедой.

Санкт-Данам. Город Святого Данама, построенный на территории открытия новых миров. Круга монолитов уже не существует. Все оставшиеся светящиеся проходы перенесены в хорошо охраняемые места, а собрать чёрные осколки одиннадцатого монолита и переместить проход теньевых так никому и не удалось, поэтому палагейцы охраняют его сами.

После окончания войны лучезарные стали меньше интересоваться людьми, разве что единицы поселились в Санкт-Данаме ради изучения здешней культуры. Конечно, были послы и представители, но они общались исключительно с нашим президентом и правящими партиями. Даориев, живущих среди обычных людей, до сих пор крайне мало.

Теневые же, напротив, с каждым десятилетием проявляли всё большее любопытство к нашему миру. Чем-то он им нравился, а из-за постоянно открытого прохода люди были вынуждены передать палагейцам примерно одну четвёртую часть Санкт-Данама. Теневые сами контролируют, кто входит и уходит через портал, но подчиняются правилам, установленным нашим законодательством.

Из-за их присутствия нам разрешено иметь огнестрельное оружие. Этот факт держит теневых в рамках закона. Именно из-за палагейцев теперь всем приходится делать ахакор — металлическую татуировку. Она — оберег для людей от необычных способностей теневых.

Палагейцы не настроены воинственно, но само их присутствие пагубно влияет на людей. Они распространяют ауру, которая заражает людские души и отравляет грехом. Поэтому верующие в Единого Бога видят в них последователей дьявола. До сих пор фанатики считают их разносчиками пороков, и в целом...

...они абсолютно правы.

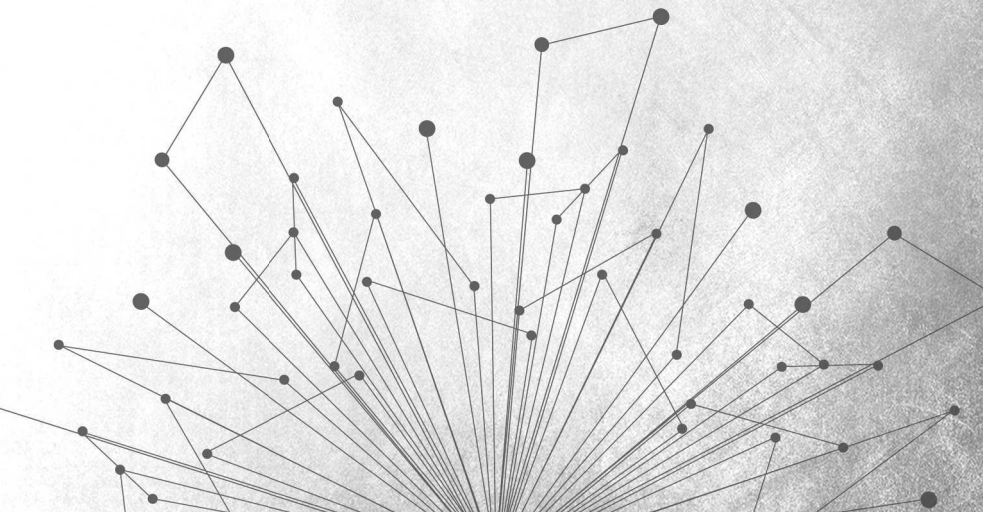
Разные теневые по-своему влияют на людей, пробуждая в них тот или иной тип греха: раздор, соблазн, гнев, тревогодие и другие. Однако наличие ахакора оберегает людей от этого влияния. Защита удваивается, если и теневым набивают такую татуировку. Количество вводимого в кожу пагубного для них металла мало для нанесения вреда здоровью, но достаточно, чтобы нейтрализовать силу их способностей. Единственное физиологическое последствие — вокруг татуировки образуется слабый химический ожог, кожа приобретает чёрный оттенок. Этот побочный эффект выделяет их из толпы и подтверждает, что здешние сплавы плохо совместимы с их организмом. Ахакор они могут свести, но только если вернуться в родной мир.

Несмотря на все чарующие слухи о Даории и Палагедде, больше всего меня завораживает *Переправа*. Место, которое, по рассказам из учебников, похоже на сны.

Я вздрогнула от громких гудков и вернулась в реальность. Машина резко затормозила, чем привлекла внимание прохожих. Шины следующих автомобилей завизжали, когда и другим водителям пришлось ударить по тормозам. Владелец первой тачки высунулся и покрыл благим матом нескольких велосипедистов, попытавшихся проскочить перед ним на красный свет.

Я вновь бросила взгляд в спину теневого. Незнакомец уже скрылся из виду, но было ясно, что он направился на запад, в район, принадлежащий палагейцам. Существовало негласное предостережение: после захода солнца людям не стоит находиться на их территории. Поговаривают, что там во мраке творятся какие-то ужасы, и даже городские власти и полицейские не гарантируют безопасность на стороне тeneвых.

Поёжившись от порыва холодного ветра, я торопливо зашагала в сторону дома, вспомнив, что завтра у меня ранние пары и не мешало бы выспаться.

3

Повсюду пламя. Опалённые волосы скрутились, глаза слезились, а лёгкие сдавило от попавшего в них дыма. Огонь уже пожрал кровать, шкаф и всю имеющуюся мебель. Мне некуда бежать.

Пожар распространился волной по потолку.

Послышался чей-то вопль.

Я закричала в ответ, видя, что пламя почти добралось до правой руки, а следом кто-то рухнул сквозь потолок прямо на меня, и пол под ногами исчез.

Голова соскользнула с кулака, от мимолётного ощущения падения я пришла в себя. Резко проснулась и выпрямила ноги, задев стул впереди. Грохот тут же привлёк внимание профессора и остальных студентов. Я втянула голову в плечи, одними губами пробормотала извинения. Мистер Коллинз вновь повернулся к отвечающему студенту, чьё объяснение продолжило звучать где-то на фоне, не пробиваясь к моему сознанию. Во рту сохранился привкус копоти и дыма, а сердце билось где-то в горле. Я потёрла глаза, не понимая, каким образом задремала, ведь почти никогда не спала на лекциях профессора Коллинза.

Моя специализация «культура трёх миров». В университете я изучаю всё, что нам известно про теневого и луче-

зарных, а также про их взаимодействие с людьми. Сперва хотела поступить на переводчика с палагейского или даорийского. Востребованная профессия с высокой оплатой труда, но на экзаменах мне не хватило баллов и пришлось пойти на смежный профиль. На выбор дали учить только один из двух языков. Я остановилась на палагейском, но в целом они из общей речевой группы, позже, при необходимости, выучу и даорийский, так как невозможно понять чужую культуру без знания языка. Сейчас я неплохо читала на палагейском, но произношение хромало.

Я сосредоточила всё внимание на профессоре, отвлекаясь от дурного сна. Рен Коллинз — один из немногих людей, кому довелось не просто побывать в Даории, но и прожить среди лучезарных около пяти лет, собирая и структурируя информацию об их культуре и традициях. Он далеко не первый, кому даории позволили столь долго гостить в их мире, но чаще по возвращении такие люди шли работать на правительство, а Рен Коллинз предпочёл преподавать.

Профессор заметил, как я чуть не развалилась на парте, а значит, теперь глаз с меня не спустит. Я пригладила волосы и наклонилась к Ливии — одной из немногих моих подруг. Точнее, единственной помимо Сирши, но та учится на пятом курсе, лекции у нас разные.

— О чём речь?

— Повторяем основы про политическое устройство палагейцев. Через месяц будет предэкзаменационный тест, — торопливо ответила Лив.

У Ливии золотой ахакор, но, в отличие от многих детей состоятельных родителей, она предпочитала его не демонстрировать. При взгляде на её некрашенные русые волосы, отсутствие макияжа и простую одежду не сразу признаешь, что она из богатой семьи. Лив сняла свои очки и критически осмотрела разводы на стёклах, завертела готовой, тихо порылась в сумке. Я забрала её очки, вытянула край футболки из-под свитера и протёрла.

— Хлопчатобумажная, — едва шевеля губами, заверила я.

Сама Лив сегодня в вязаном свитере, а салфетки для стёкол она часто теряет. Ливия благодарно кивнула и со смущённой улыбкой забрала очки. У неё с детства плохое зрение, линзы носить не может, а из-за дурных одноклассников со школы комплексует. Ещё на первом курсе я отшила одного болвана, который даже в универе не перерос пубертатные замашки и подкалывал Лив, иронизируя над её внешним видом. Так мы начали общаться. А узнав, что я из приюта, она не выказала пренебрежения или жалости. В основном именно из-за последнего я не любила делиться подробностями о себе.

— ...лично! Мы вспомнили, что Палагедой управляет Совет архонтов. Каждый из них является главой собственного Дома, — голос профессора зазвучал громче, привлекая всеобщее внимание. — Сколько их всего, Джен?

Девушка с короткими чёрными волосами тут же поднялась на ноги.

— Семь, мистер Коллинз.

— И какова иерархия?

— Невзирая на равноправный Совет, одни Дома палагейцев считаются более могущественными, чем другие, и делятся они по способностям, которые невольно распространяют, — без запинки выдала Джен. — Самым сильным и первым по старшинству идёт Дом Раздора. Сразу после него — Дом Кошмаров и Дом Чревоугодия. Следом — Дом Соблазна. Последние три — Гнев, Гордыня и Зависть — являются наиболее слабыми, но голоса этих архонтов не уступают остальным в Совете. При рассмотрении важных вопросов шесть Домов равны по значимости, а мнение архонта Раздора, как главы самого могущественного Дома, будет решающим в спорах.

Профессор довольно кивнул и поднял руку, призвав Джен остановиться и сесть.

— Всё верно, — подтвердил мистер Коллинз. — Но система даориев иная. В чём же главное отличие в управлении?

Профессор выразительно посмотрел на меня, и я поднялась на ноги, не дожидаясь пока он назовёт моё имя. Про лучезарных он всегда ждал более точных ответов, зная их лучше тeneвых.

— У даориев аналогичный аппарат власти, а именно Совет пяти царей. Все даории делятся на пять Кланов, во главе каждого стоит их царь.

— По каким критериям идёт разделение у даориев?

— Пять элементов: воздух, вода, огонь, земля и металл. У них тоже есть своя иерархия, — тем же ровным голосом ответила я, стараясь не делать пауз. — Даории управляют элементами, хотя большинство способны лишь на мало-значительные манипуляции. Самые могущественные — это цари. Сила обычно остаётся в пределах родов, передаваясь с кровью. Практически не происходит никакой смены власти, тысячелетиями во главе одни и те же семьи. Хотя в данном случае это скорее схожесть с тeneвыми, потому что у них тоже власть и способности передаются по крови.

— Какой вклад даории и палагейцы внесли в наше развитие?

— Палагейцы дали нам зарево, — подбородком я указала на ярко светящиеся лампы. Освещение, энергия для транспорта, компьютеров, телефонов и прочего. Всё функционирует благодаря зареву. — Даории, а точнее Клан Металлов, проложили основные магистрали, по которым непрерывно движется зарево. Они же показали нашим учёным, как создавать провода, способные передавать энергию.

— Разве это всё, что мы получили от Клана Металлов?

— Нет. Ахакоры. Они их разработали и дали людям защиту от влияния тeneвых, но этим же обезопасили наш мир от собственного воздействия. Имея татуировку, лучезарные неспособны управлять элементами, а вместе с тем навредить кому-то из людей.

Мистер Коллинз улыбнулся, получив желанный ответ, и я уже хотела сесть, как он снова заговорил:

— Ты рассказала про сходство в политической структуре, а каково же главное отличие?

— Верно, — спохватилась я и опять выпрямилась. Большинство студентов либо внимательно слушали, либо что-то записывали, пока другие набирали сообщения в телефонах или просматривали ленту новостей в социальных сетях. — В Палагедде Совет архонтов — это главенствующий орган власти, но в Даории над Советом пяти царей стоят мойры. Три богини, следящие за нитями судеб. Мойры плетут эти нити, но выстраивают чужую участь не по своему хотению, а являются проводниками высшей силы. Также их задача — хранить сотканые нити, и во благо равновесия они не имеют права вмешиваться и менять чье-либо будущее по своему желанию. Если мойра попытается что-то переиначить, то её настигнет расплата. Ходят слухи, что у одной богини не хватает пальцев, а у другой нет левой кисти.

— Всё верно, но, когда говорят о невмешательстве, речь идёт о нитях палагейцев, даориев и людей. Жрицы в Даории уверены, что после объединения трёх миров у богинь появились судьбы всех нас, — дополнил профессор. — Если же говорить о судьбах самих богов, если таковые у них есть, то среди даориев рассказывают легенду, что старшая из мойр — *Атропос* — однажды едва не умерла, но *Клото* сплела для сестры нить, тем самым восстановив её здоровье. То есть боги находятся вне предусмотренного баланса и могут влиять исключительно на собственные жизни, но не на чужие.

— Разве это не сюжет даорийской сказки?

— Действительно есть такой сказочный мотив, однако были схожие упоминания об их брате Эфире. К сожалению, истину если и знают, то только цари, и всё же для сдачи экзамена лучше держать в голове эту информацию, — напомнил мистер Коллинз.

— Профессор, мойры правда ни с кем не встречаются помимо царей? Вы тоже никогда не видели мойр? — вме-

шался студент с задних парт, прежде чем мистер Коллинз успел задать мне новый вопрос.

— Правда, — подтвердил профессор, а студенты оживились, заинтересовавшись беседой. — Мойры никогда никому не показываются и не лезут даже в склоки между Кланами. Но это заблуждение, что богини встречаются только с царями, они так же тесно общаются с сивиллами — прорицательницами в Даории.

— А царей вы видели?

— Видел царей Воздуха и Металлов. Они с наибольшим любопытством относятся к нашему миру и охотно рассказывают о своей культуре, — профессор поднял руку и пресек новые вопросы, не относящиеся к теме. Он вновь повернулся ко мне, и я невольно вскинула брови. Я ведь ответила на все вопросы, но удовлетворённым мистер Коллинз не выглядел. — Что ещё говорят о мойрах, Кассия?

— Я не... не знаю, — растерянно пробормотала я, напрягая память. О мойрах действительно почти ничего не известно. Они никак не участвуют в жизни даже собственного народа, что уж говорить о нашем мире. — Мойры одни из мифологических существ, известных людям ещё до объединения и открытия проходов. Они были частью эпоса некоторых стран Античности. Не только мойры, но и вера в одушевлённые грехи. Вследствие более глубокого изучения теневых и лучезарных нашими историками и антропологами исследователи пришли к выводу, что образы пороков в религии и мойры появились в мифах людей из-за снов. Во сне грань между нашим миром и Переправой тонка. Якобы древние люди в подсознании попадали на Переправу, и кто-то выносил из видений эти образы, которые стали частью разных религий и мифов.

Не желая признаваться в непонимании вопроса, я озвучивала любую всплывающую в голове информацию. Но, несмотря на одобрительные кивки профессора, было заметно, что я продолжала кружить где-то рядом с правильным ответом.

— Кто-нибудь может добавить что-то важное? — поинтересовался мистер Коллинз у собравшихся.

Студенты тут же засуетились, притворяясь, что заняты конспектами. Неловкая тишина была прервана вскинутой рукой.

— Прошу... эм... — мистер Коллинз замялся, я обернулась на поднявшегося студента. Профессор всех знал по именам, и мне стало любопытно, кто его смутил. — Прошу прощения, но вы точно с этого курса? Либо вы часто пропускаете, либо ошиблись аудиторией.

— Не ошибся, профессор, — пробормотал молодой парень, поправив очки, которые казались слишком большими для его лица. — Я не на потоке, а временный слушатель. Посещаю отдельно оплаченные курсы лекций.

Мистер Коллинз отложил список студентов и заметно расслабился. На незнакомце простая серая толстовка-кенгуру, чёрные джинсы, золотистые светлые волосы немного растрёпаны. Он стоял слишком далеко, чтобы я могла точно определить цвет глаз, но разрез определённо миндалевидный. Судя по всему, парень худощав и не шибко высокий. С этими очками он скорее напоминал первокурсника, чем выпускника. Незнакомец бросил на меня косой взгляд и спрятал руки в карманы толстовки. Намёк я поняла, но внимание от него не отвела, ожидая, что он скажет.

— Да, верно. Курсы для саморазвития или повышения квалификации, — кивнул мистер Коллинз, рассматривая студента. — Вам есть чем дополнить ответ Кассии?

— Немного. Ещё о мойрах ходит слух, что они все немые. Однако голосов лишены не с рождения, способность говорить у всех троих отобрал Привратник в качестве мести.

— Именно, — обрадовался профессор, явно получив желаемый ответ.

Я тихо фыркнула, и парень в очках тут же повернул голову в мою сторону, хотя услышать точно не мог. Лицо привлекательное, но спутанные волосы, по-нелепому большие очки

и колючий взгляд делали его похожим на самоуверенного заучку.

— Привратник. Единственный, кого опасаются как даории, так и палагейцы. Привратник главенствует над Переправой, и именно о нём я хотел с вами поговорить подробнее, — заговорил профессор, взял мел и начал записывать основные тезисы.

Я села и схватилась за тетрадь, готовая жадно поглощать любую информацию о Привратнике и Переправе.

— У меня есть вопрос о мойрах, — снова подал голос тот же студент, сбивая преподавателя с увлекательной темы.

Я обернулась на говорящего. Все рады, когда профессор рассказывает о Переправе, но парень продолжал стоять, со скучающим выражением лица глядя на свежие надписи на доске.

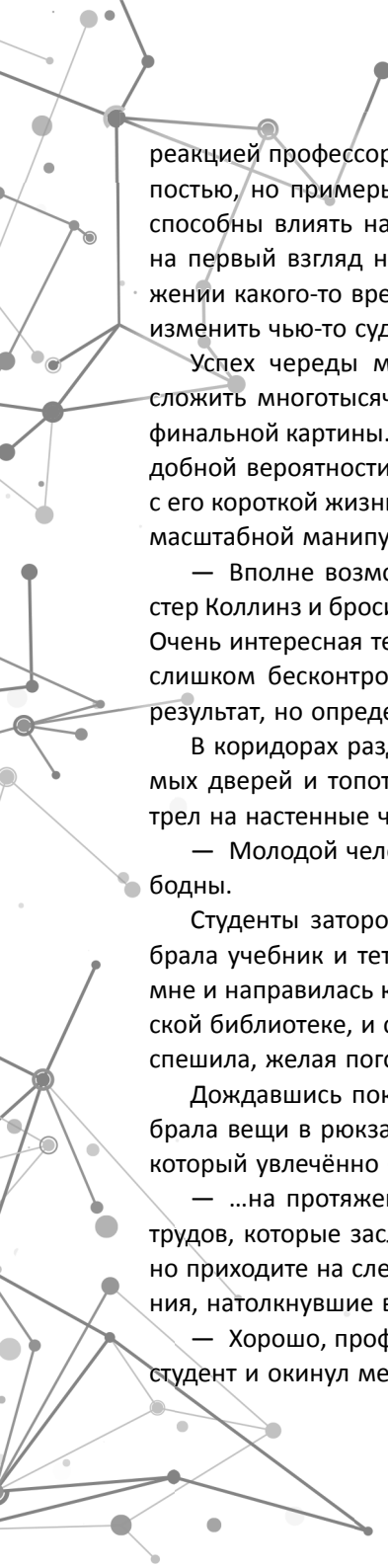
— Какой? — спохватился мистер Коллинз.

— Я записался на эти курсы, потому что заинтересовался вашим опытом жизни среди даориев, — издали начал тот, но профессор заулыбался, отложив мел. Я недовольно поджала губы, до конца лекции осталось совсем немного, а о Привратнике я так ничего нового и не выяснила. — Раз уж речь зашла о мойрах, то я хотел узнать ваше мнение. Вы подтверждаете, что мойры неспособны влиять на судьбу живого создания. Например, оборви они жизнь даория, палагейца или человека раньше времени, подобное вмешательство повлечёт за собой неподвластные контролю перемены в мире. Возможно, будущее будет изменено неоправимо. Однако что насчёт воздействия на объекты?

Радость с лица профессора медленно сошла, он шумно втянул воздух, озадаченно уставившись в потолок.

— А именно? — уточнил мистер Коллинз после длительной заминки.

— Внезапно распахнувшееся окно, которое заставит обернуться. Укатившийся мяч, провоцирующий идти в нужную сторону. Пуля, полёт которой отклонится, — уверенно перечислил незнакомец, он со всей серьёзностью следил за

реакцией профессора. Сперва его вопрос показался мне глупостью, но примеры заставили задуматься. — Если мойры способны влиять на мелкие элементы, то множественные, на первый взгляд незначительные модификации на протяжении какого-то времени могут незаметно, но кардинально изменить чью-то судьбу. Такое возможно?

Успех череды микровоздействий сомнителен: это как сложить многотысячный пазл с одной попытки без знания финальной картины. Однако при мысли о существовании подобной вероятности по спине поползли мурашки. Человеку с его короткой жизнью вряд ли под силу проследить за столь масштабной манипуляцией.

— Вполне возможно, — с растерянностью заметил мистер Коллинз и бросился что-то записывать в свой блокнот. — Очень интересная теория, молодой человек. Одновременно слишком бесконтрольная и способная дать совсем не тот результат, но определённо стоит рассмотрения. Поэтому я...

В коридорах раздался короткий звонок, звуки открываемых дверей и топот ног. Профессор разочарованно посмотрел на настенные часы. Лекция окончена.

— Молодой человек, подойдите ко мне, остальные свободны.

Студенты заторопились покинуть аудиторию. Ливия собрала учебник и тетрадь в сумку, на прощание улыбнулась мне и направилась к выходу. Она подрабатывает в студенческой библиотеке, и сегодня у неё есть дела. Я же уходить не спешила, желая поговорить с профессором.

Дождавшись пока помещение опустеет, я медленно собрала вещи в рюкзак и подошла к столу мистера Коллинза, который увлечённо беседовал с незнакомым студентом.

— ...на протяжении недели я составлю список научных трудов, которые заслуживают вашего внимания. Обязательно приходите на следующую лекцию и покажите исследования, натолкнувшие вас на подобные мысли.

— Хорошо, профессор, — тем же ровным тоном ответил студент и окинул меня взглядом, когда я встала рядом.

Радужки у него светло-карие. Красивый янтарный оттенок вместе с экзотическим разрезом глаз притягивал внимание. Парень смотрел без раздражения или высокомерия, но и дружелюбным его выражение лица тоже нельзя было назвать. Скорее он весь напрягся, насторожённый моим присутствием.

Я ответила ему таким же оценивающим взглядом.

— Кассия, ты что-то хотела? — обратился на меня внимание мистер Коллинз.

— Да, хотела попросить у вас помощи, — ответила я, наблюдая, как незнакомец направился к выходу. Он закрывал за собой дверь, когда я поняла, что так и не увидела металл его ахагора. Хотя, судя по внешнему виду, он не богач. Может, серебро?

— Что тебя интересует? — уточнил профессор, и я выкинула странного парня из головы.

— Пожалуйста, дайте мне адрес библиотеки теневых. Я знаю, что на их половине города есть коллекции с трудами их учёных. В наших хранилищах материала о Переправе недостаточно. Исследовательские трактаты от авторов-людей дорогие и поверхностные, — выдала я, но на лице профессора отразилась усталая мука, поэтому затараторила дальше, не позволив отказать мне сразу: — Я уже выбрала Переправу и Привратника в качестве темы своей дипломной работы в следующем году. И клянусь, что прочитала весь данный вами список литературы, но там нет почти никакой достоверно изученной информации.

— Кассия, тема сложная, — уделяя большее внимание бумагам и заметкам на своём столе, начал бубнить профессор. — Если ты хорошо структурируешь и объединишь сведения из тех многочисленных источников, то комиссия в любом случае поставит тебе «отлично». Если ты волнуешься об оценке...

— Это моя дипломная работа, и я не хочу просто переписать, — я прижала рукой ежедневник мистера Коллинза к столу, не дав тому его взять. Он нехотя поднял на меня гла-

за, явно утомлённый моим упрямством. — Я действительно хочу изучить Переправу.

— Нельзя изучить Переправу. Сами теневые едва ли её понимают, — возразил профессор. — Ты прочитала весь список, что я дал тебе в прошлый раз?

— Да!

— И Юстера?

— Даже его.

— Гортеса?

— Тоже.

— Аристоля? У него...

— Профессор, — хмуро перебила я. — Я прочитала все три его научных труда и почти уверена, что его «Иллюзорную материю» вы дали мне специально, чтобы я сдалась и бросила любые попытки.

Я невольно скривилась при воспоминании о толстом фолианте, язык чесался высказать, что его труды невозможно читать. Сквозь текст Аристоля я продиралась, как через таинственные дебри. Выражался автор настолько странно, что приходилось целые абзацы перечитывать по несколько раз. Я недовольно надулась, заметив, как профессор едва сдержал улыбку. Под моим пристальным взглядом он неловко откашлялся.

— Пожалуйста, мистер Коллинз. Не запрещено посещать территорию палагейцев. Опасно только ночью, но я пойду днём. Вы же сами там бываете, — насела я, решив в этот раз прижать его к стенке.

Профессор либо ощутил, что ему не отделаться, либо наконец внял моим просьбам, потому что написал долгожданный адрес на листке и протянул мне. В библиотеки теневых практически невозможно попасть. Обычно это личные коллекции и лишь избранные могут ознакомиться с трудами палагейцев и даориев. Я выпрашивала этот адрес у профессора три месяца, поэтому глазам вначале не поверила, а потом перечитала написанное раз пять, торопливо запоминая, если вдруг потеряю записку.

— Обширная личная коллекция принадлежит стареющему палагейцу. Его зовут Аякс. Он любит поболтать, но следит за временем и ради Святого Данама не пей у него спиртного, даже если будет настаивать.

— Он из Дома Чревоугодия?

— Нет, из Дома Гордыни. Поэтому всегда рад поговорить о Палагеде. А это перечень авторов, которые писали о Переправе, есть вероятность, что у Аякса имеются оригиналы и их переведённые экземпляры.

Я с благодарностью приняла вторую записку и тут же обе спрятала в карман кожаной куртки.

— Спасибо, профессор, — искренне поблагодарила я, не сдержав улыбку. Мистер Коллинз моего энтузиазма не разделил, и я спешно попятилась к выходу, переживая, как бы он не передумал.

— Не попадай в неприятности, Кассия. И не заставляй меня жалеть, что дал тебе адрес, ясно? — строго предупредил он.

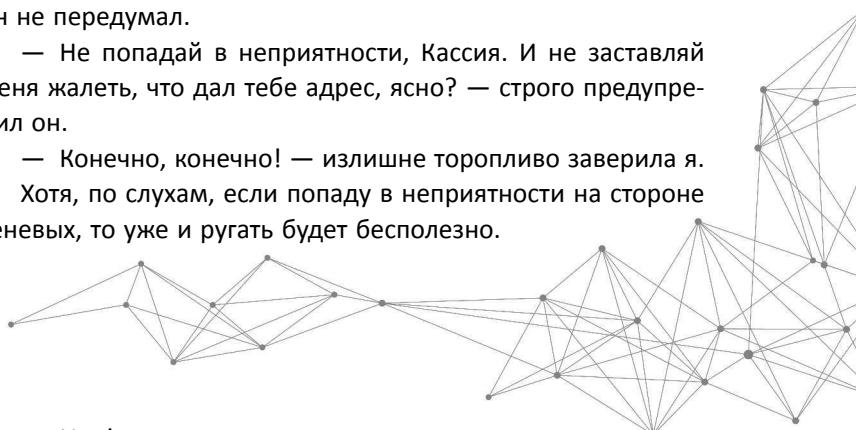
— Конечно, конечно! — излишне торопливо заверила я.

Хотя, по слухам, если попаду в неприятности на стороне теневых, то уже и ругать будет бесполезно.

— Иво!

Половина столпившихся у входа в основной корпус мигом утихли, студенты повернули головы в сторону зовущего. Я тоже невольно замерла на ступеньках, рассматривая молодого человека.

Высокий рост, едва заметно вьющиеся чёрные волосы, до дрожи привлекательное лицо и подтянутое тело. Светло-зелёные глаза прищурены из-за лукавой улыбки. Наряд и вовсе под стать плохому парню: чёрные джинсы, тёмная футболка и стильная кожаная куртка. Он стоял, расслаблен-

но облокотившись на шикарную тачку, и был определённо в курсе, как выглядит, но демонстративно игнорировал разинутые рты нескольких первокурсниц. Такие парни нравятся Сирше и, судя по всему, ещё половине кампуса.

— Иво, поторапливайся!

— Какой он! — ахнула рядом одна из девушек.

— Теневой, это сразу понятно, — ответила ей подруга, остужая интерес первой.

Я промолчала, но была согласна. Парень определённо теневой. Палагейцы и даории выделялись своими лицами, а глаза этого теневого слишком яркие, что немного жутко. Притягательно, но жутко.

Я сама чуть не разинула рот, когда на имя «Иво» откликнулся тот внешне нескладный студент в серой толстовке. На его лице не было страха или благоговения перед палагейцем, Иво, наоборот, выглядел хмурым.словно этот черно-волосый его старший брат, который приехал позорить младшего.

— Громче можешь? Кажется, ещё не все узнали моё имя, — пробубнил Иво, и я с трудом разобрала его слова.

Он обернулся и с недовольством взглянул на застывших студенток. Те тут же засуетились, притворяясь, что не таращились на него мгновение назад. Взгляд Иво замер на мне, узнал, но его отвлёк теневой.

— Не дуйся, — хохотнул тот, намеренно с силой хлопнув друга по плечу. Всё-таки внешне уж слишком эти двое отличались. Я сильнее нахмурилась, приметив, что Иво значительно ниже ростом, но даже не покачнулся от подобного приветствия. *Не может же быть, что он тоже...* — Полежай в машину, мы опаздываем.

Иво что-то проворчал, но полез на заднее сиденье. Вопреки моим ожиданиям темноволосый обошёл автомобиль, чтобы занять пассажирское место. Как только он перестал загораживать стекло водителя, я заметила третьего в салоне. Он разговаривал по телефону. Пассажиры оказались внутри, водитель закончил разговор, завёл мотор и с очевидным

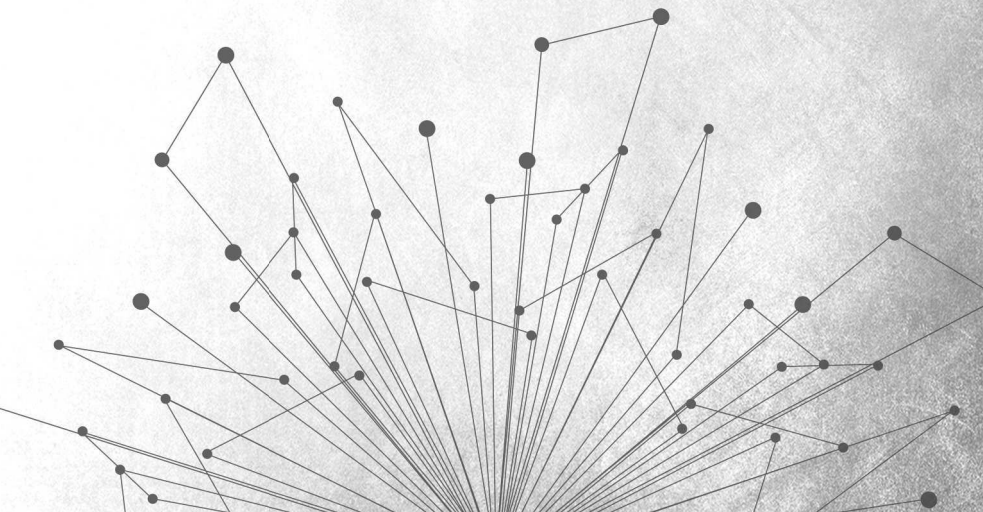
раздражением вдавил газ. Шины завизжали, прежде чем автомобиль сорвался с места. Окружающие студентки возбуждённо загалдели, провожая взглядами стремительно удаляющуюся машину. Я едва не закатила глаза, поражаясь, насколько типичным тeneвым выглядел тот парень. Чёрный дорогуший автомобиль, самоуверенная поза, тёмная одежда. Он будто намеренно собрал все человеческие представления о палагейцах как о греховных искуителях. Не удивлюсь, если этот тип из Дома Соблазна.

В кармане завибрировал телефон. Сообщение от Сирши.

«Если ты ещё не идёшь домой, то советую ускориться. И не думай мне врать, что забыла о сегодняшнем вечере. Ты обещала, Кассия».

Верно. Я обещала.

Поэтому, затолкав телефон обратно, поудобнее повесила рюкзак и побежала на автобусную остановку.

4

— **Ч**то за... — вполголоса выругалась я, споткнувшись об упавший зонт. — Сирша!
Я закрыла дверь и, сбросив кроссовки в прихожей, ввалилась в гостиную, совмещённую с маленькой кухней.

— Сирша, я пришла! И вовремя! — победно заявила я, заметив подругу, с ногами забравшуюся в кресло. Она смотрела телевизор, что-то старательно записывая в блокнот. Я сбросила рюкзак прямо на пол. Трясущимися руками размотала длинный шарф, стянула кожаную куртку и со стоном потянула вверх свитер. Воздух на улице холодный, но из-за бега я вся вспотела.

— Толку было торопиться, если теперь тебе нужно принять душ. Даже не думай идти с этой причёской, — строго буркнула подруга, неодобрительно посмотрев на свитер, брошенный рядом с рюкзаком и курткой.

Я не грязнуля. Всё подниму и уберу уже через пару минут, как только дыхание восстановится. Но сиротская жизнь оставила свой след. Сирша ненавидит бардак в квартире. В приюте у нас не было отдельных комнат. Жили по пятеро и больше. Личной была разве что койка и, может, полка в шкафу. Несмотря на строгие выговоры, там постоянно царил беспорядок. Сирша пыталась держать своё место

в чистоте, но при таком количестве соседей ничего не выходило, поэтому, получив долгожданное личное жильё, она с небывалым усердием начала следить за порядком в доме и жизни. Это дарило ей обманчивое чувство безопасности и контроля, но постепенно переросло в одержимость.

Мне знакомо подобное, поэтому незаметно я тренировала Сиршу, желая помочь подруге преодолеть тревожность при признаках малейшего беспорядка. Водила её в «Подворотню», время от времени в разумных пределах оставляла предметы не на своих местах. И если вначале любые изменения вызывали у Сирши неподдельную тревогу и раздражение, то сейчас она ограничилась хмурым взглядом на брошенные мной вещи.

Сирша закусила губу, явно сдерживаясь от замечания, и...
...промолчала.

Я порадовалась её успехам, и подняла руку к волосам, оценивая, насколько жутко они выглядели после бега в шапке. Всё действительно плохо. У корней сильно примялись, а ниже топорщились во все стороны, наэлектризованные.

— Может, просто кепку надену, — с надеждой предложила я.

— Ещё чего! — тут же встрепенулась Сирша. — Мы с тобой договорились. Я учусь стрелять в «Подворотне», а ты идёшь со мной в клуб. Я своё условие сделки выполнила.

Я страдальчески застонала. Клубы совсем не моё.

— И оденься покрасивее, — добила Сирша, одарив меня безжалостной улыбкой.

— Если ты хочешь, чтобы я надела...

— Ш-ш-ш! — перебила она, вновь прибавив громкость телевизору. Реклама закончилась, и я замерла, глядя на сменяющиеся кадры с места преступления. Подруга подалась вперёд, сосредоточенно следя за новостями.

— *Нам сообщили, что убийство, совершённое в северо-восточном районе города, похоже на происшествия многолетней давности. Мы находимся у отеля «Тройное созвездие», в пентхаусе которого актёр Томас Холстер*

под действием алкогольного опьянения застрелил пятерых человек в разгар вечеринки. Свидетели подтверждают, что первоначальной его целью был Теренс Браннон — главный соперник Томаса в последние годы, но ситуация обернулась большим количеством жертв. Многие сходятся во мнении, что Браннон отобрал у Холстера несколько важных ролей. Агенты Томаса даже говорили, что появление Теренса загубило карьеру их клиента, — уверенно вещала журналистка, стоя перед зданием отеля. Приближаться не позволяли отряды полиции, но это было необязательно, у корреспондентов уже имелись фотографии с места происшествия, и они делали из них вставки, одновременно описывая ситуацию.

— Зачем ты это смотришь? — Я с недоумением проследила, как Сирша старательно записала услышанное.

— Это произошло вчера! Успею дополнить нынешним случаем свой диплом! — воодушевлённо добавила она.

— Но твой диплом о... — я не договорила, поняв о чём речь, и уставилась в телевизор.

— *Убив Браннона и ещё четырёх человек, Томас Холстер впал в ужас от содеянного и застрелился сам. Внимание к этому событию стремительно растёт не только из-за громких имён жертвы и преступника, но и вероятности, что в деле опять замешаны палагейцы. В качестве доказательства было отмечено, что в одном месте кожа около ахакора убийцы посерела, хотя сам он был человеком. Это неопровержимое доказательство очевидного вывода, что на момент совершения преступления в организме Томаса Холстера была кровь теневого. По первым предположениям, это могла быть кровь принадлежащих к Дому Гордыни, Зависти или Гнева. Точнее ещё предстоит выяснить. Образцы уже отправлены в лабораторию Дардана Хилла. В ближайшее время мы узнаем правду, — журналистка сделала намеренно длинную паузу ради нескольких жутких кадров. — Всех тревожит мысль, что мы можем вернуться к старым проблемам. Напоминаю, что*

в последний раз схожее жестокое убийство с вмешательством палагейцев произошло три года назад. Тогда погиб владелец арт-галереи, до этого есть свидетельства об инцидентах шестилетней давности, а ещё ранее трагедии, случившейся более десяти лет назад. Всех потрясло, когда три нападения произошли подряд в один вечер. Все убийцы тогда действовали под влиянием крови теневых, то есть были заражены грехом, который толкнул их на акты агрессии.

Я поморщилась: такие новости хоть и не касались нас напрямую, но портили настроение.

— Думаешь, они что-то задумали? — пробубнила я, подняв ранее брошенную одежду.

— Теневые? Вряд ли, — отмахнулась Сирша, не спуская глаз со сменяющихся кадров места преступления. — Скорее всего, кто-то ошибся или занялся криминалом. Сами архонты будут не в восторге от сложившейся ситуации.

Я кивнула, веря ей на слово. В отличие от моей специализации Сирша оканчивает факультет социологии. Пишет диплом про конфликты между людьми, палагейцами и даяриями за последние двадцать лет. И если с лучезарными отношения хорошие, то теневые способны доставить проблемы. Если добавить их кровь человеку в напиток, то тот временно будет подвержен греху. Даже ахакор не поможет. Когда-то давно таким способом мстили или убирали неудобных, потому что человек под таким воздействием совершал преступления, а следом попадал в тюрьму, терял репутацию или лишался рассудка.

Сейчас на мелкие происшествия Совет архонтов никак не реагирует, но если есть пострадавшие или хуже — погибли невинные, то разговор другой. Подобные ситуации всегда ухудшают отношения между мирами, со стороны людей начинаются забастовки и разгораются негативные настроения в сторону палагейцев. Совет архонтов предпочитает до такого не доводить, ведь у многих в Санкт-Данаме есть огнестрельное оружие.

Обычно наша полиция лишь устанавливает причастность теневого к смертям и отправляет информацию в Палагеду. Далее они сами разбираются с виновником. Каким именно способом — никто не знает, есть лишь определённые догадки, так как про их тюрьмы нам ничего не известно.

Из-за опасности торговля кровью палагейцев приравнена всеми тремя мирами к незаконной деятельности и уголовно наказуема.

Ещё в университете слышала, что из крови представителей Дома Соблазна кто-то додумался сделать наркотики для более острых ощущений в сексе. К несчастью, и с этой забавой было связано немало криминала.

— *Дардан Хилл, нынешний глава компании «Меридий», пообещал как можно быстрее поделиться результатами исследований. Мистер Хилл как никто заинтересован в выяснении причастности палагейцев к происшествию. Более десяти лет назад двое влиятельных акционеров его фирмы — Фоули и Райден — были убиты завистниками под воздействием крови тeneвых. Общественность была шокирована масштабами смертей: за один вечер погибло более семи человек. Потеря партнёров сильно обрушила акции компании, и, как выяснилось позднее, погибшие Лиам Райден и его супруга Селена были близкими друзьями Дардана Хилла.*

— Восхитительно, — восторженно пробормотала Сирша, продолжая скрипеть ручкой по бумаге.

— Восхитительно? Там люди умерли.

Сирша тут же вскинула растерянный взгляд.

— Нет-нет! То есть это ужасно! Всё произошедшее очень плохо. Надеюсь, они как можно быстрее разберутся, а контрабандисты и виновники получат по заслугам, — оправдываясь, затараторила она. — Я имею в виду, что информация пригодится для моего диплома... я не подразумевала, что...

— Знаю, знаю, — улыбнувшись, остановила я подругу. Разумеется, она не имела в виду ничего дурного. Сирша

даже оружие в руки брать не хочет, боясь случайно кому-нибудь навредить. *Ну разве что Руфуса не прочь прибить за «куколку» и «чистюлю».* Интерес к криминальным новостям она начала проявлять из-за дипломной работы. — Я пойду помоюсь и соберусь, ты тоже перестань это смотреть и готовься.

Сирша закивала, но опять уставилась в телевизор.

— Кассия, — ласково позвала Сирша.

Я рассеянно дёрнула дверь, проверяя, заперла ли квартиру.

Зря согласилась.

Я дёрнула вновь.

— Кассия.

Это же надо было дать себя уговорить? Может, есть шанс отмазаться?

— Кассия, хватит, — тем же ласковым голосом, но твёрдо остановила меня Сирша.

Вынырнув из своих мыслей, я уставилась на подругу.

— Что «хватит»?

— Дверь. Ты дёрнула её пять раз.

Я с недоумением посмотрела на свои пальцы, впившиеся в ручку. Сирша демонстративно сама дёрнула дверь, доказывая, что та заперта.

— Вот видишь? Всё закрыто. Ты проверила, я проверила. Пойдём, — от её заботливой улыбки мне стало стыдно.

Когда-то Сирша сказала, что я страдаю нервным расстройством, повторяю одни и те же действия несколько раз. Ранее думала, что это не более чем странные привычки, но Сирша сама мучается навязчивыми мыслями о контроле, поэтому я не стала спорить с её выводом. К тому же при взгля-

де на некоторые мои рутинные действия под новым углом те и правда перестали казаться таким уж обычным делом.

В целом они не сильно влияют на мою повседневную жизнь, но если меня охватывает тревога, то я перестаю осознавать повторяющиеся движения. Сирша намекнула, что моя манера проверять утюг перед выходом множество раз, особенно если им даже не пользовались, немного беспокойная. Прекратить я не смогла, поэтому выкинула утюг. Сирша ответила, что этим мы избежали проблемы, проигнорировав попытку её решить.

Я была не согласна.

Я выкинула утюг.

Нет утюга — нет проблемы.

— Кассия, ты нервничаешь. А мне не нравится, когда ты нервничаешь.

— Это ещё почему? — недовольно пробубнила я, и мы направились к лестнице, чтобы спуститься на первый этаж.

— Потому что нервная, ты таскаешь с собой купленный ствол. А ну-ка, стой! — Сирша остановила, уперев руку мне в грудь. — Раскрой куртку.

По коридору разнёсся мой сдвленный смех.

— Ты серьёзно думаешь, что я взяла пистолет?

Сирша наклонила голову и загородила собой лестницу, всем видом показывая, что на слово она мне не верит. Я размотала длинный шарф и раскрыла кожаную куртку, демонстрируя, что помимо джинсов и полупрозрачной чёрной блузки, которую она заставила меня надеть, ничего нет.

Не то чтобы я не думала взять «Глок»...

— И сумку открой.

— Да в этой сумочке лишь мой телефон и помещается! — возмутилась я, но та и бровью не повела.

Наигранно тяжело вздохнув, я открыла клатч. Сирша расслабилась, а лицо озарила виноватая улыбка, когда она не нашла там ничего опасного.

— Я не могу рисковать. С пистолетом нас не пустят в «Святылище греха».

— Как раз туда не помешало бы взять винтовку, — закатила глаза, ответила я.

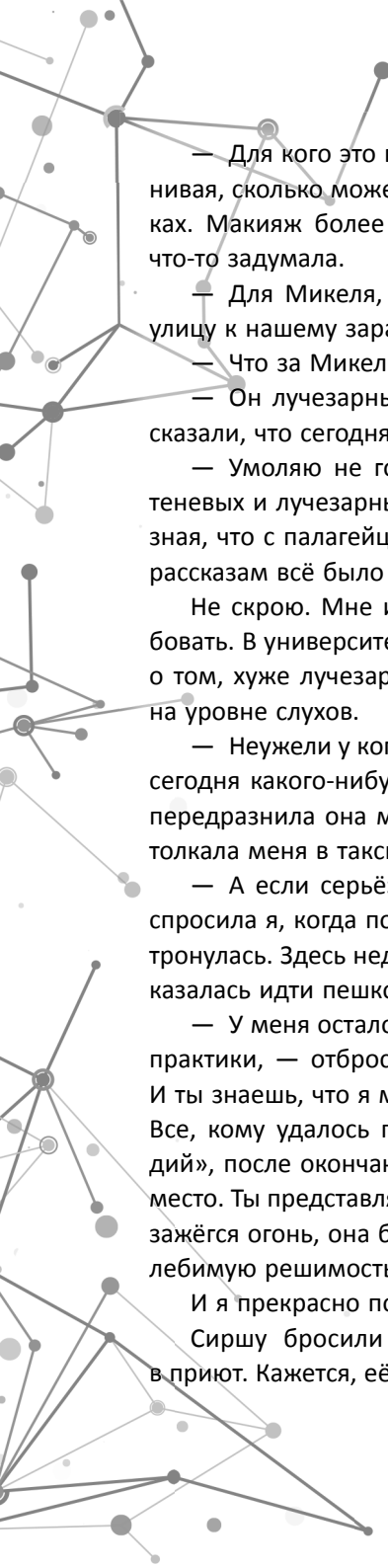
Сирша делано расхохоталась, эхо её притворного веселья отразилось от каменных стен лестничной клетки. Смех завершился вымученным стоном.

— Только не шути так при тeneвых, ладно? Я люблю твой безрадостный юмор. Вносит приятное разнообразие в мои светлые будни, но палагейцы бывают темпераментными, — напомнила Сирша, поправив подол своего облегающего белого с блёстками платья. Его длина и вырез говорили достаточно. Такой наряд создали ради привлечения внимания, а не для того, чтобы прикрывать тело.

Сирше это не нужно. Она и так красива, но сегодня подруга явно намерена кого-то заинтересовать. Она запахнула драповое пальто и завязала пояс, скрыв платье.

«Святылище греха» — клуб на границе районов людей и тeneвых. Та территория считается нейтральной и безопасной. К тому же, как показала тысячелетняя практика, физиологически мы ничем не отличаемся от тeneвых и лучезарных. Также выяснили ещё один факт: от связи людей с палагейцами или даориями дети не рождаются. Никаких полукровок, никаких новых рас. Но этот же факт позволил любителям случайных связей чувствовать себя спокойнее. Говоря короче, что тeneвые, что люди весьма рады провести друг с другом вечера и ночи без лишних обязательств. Некоторые даже встречаются, но браки между разными расами не заключаются.

«Святылище греха» — одно из самых популярных мест, где можно познакомиться, развлечься или просто пообщаться. Я предпочитала держаться подальше от подобных заведений не столько из-за страха перед палагейцами и даориями, скорее из-за нелюбви к вечеринкам, но в этот раз обещала Сирше, что составлю ей компанию. Она любит этот клуб, ходит туда с однокурсницами с её потока, у неё и несколько знакомых тeneвых есть, но до сегодняшнего дня я отнекивалась от предложений Сирши пойти с ними.

— Для кого это платье? — прямо спросила я, бегло оценивая, сколько может быть сантиметров в её высоких каблуках. Макияж более вызывающий, чем обычно. Она точно что-то задумала.

— Для Микеля, — лукаво улыбнулась она и вышла на улицу к нашему заранее вызванному такси.

— Что за Микель?

— Он лучезарный, и поймать его сложно, но мне подсказали, что сегодня он будет в клубе.

— Умоляю не говори, что ты хочешь сравнить умения теневого и лучезарного в постели! — подзадорила я подругу, зная, что с палагейцем на ночь в отеле она оставалась и по рассказам всё было «незабываемо».

Не скрою. Мне интересно, но не настолько, чтобы пробовать. В университете можно собрать множество рассказов о том, хуже лучезарные или лучше, но всё же это остаётся на уровне слухов.

— Неужели у кого-то игривое настроение? Может, и тебе сегодня какого-нибудь язвительного теневого подберём, — передразнила она мою наглую улыбку, закатила глаза и затолкала меня в такси.

— А если серьёзно, Сирша. Зачем мы едем в клуб? — спросила я, когда подруга назвала таксисту адрес и машина тронулась. Здесь недалеко. Ехать минут десять, но Сирша отказалась идти пешком на каблуках.

— У меня осталось всего две недели, чтобы найти место практики, — отбросив шутки, серьёзно заговорила она. — И ты знаешь, что я мечтаю попасть в фирму Дардана Хилла. Все, кому удалось пройти стажировку в компании «Меридий», после окончания университета получили там рабочее место. Ты представляешь, Кассия? — В голубых глазах Сирши зажёгся огонь, она буквально излучала упрямство и непоколебимую решимость.

И я прекрасно понимала почему.

Сиршу бросили родители, совсем маленькую отдали в приют. Кажется, её мама была несовершеннолетней, когда

забеременела, поэтому от ребёнка было решено избавиться. Нам с Сиршей повезло попасть в самый достойный из имеющихся приютов в Санкт-Данаме, и всё же наше будущее в лучшем случае включало получение среднего образования, максимум колледж. Затем среднестатистическая работа и посредственный заработок, лишь бы протянуть оставшуюся жизнь.

Мы с Сиршей быстро поняли, что необходимо пробиться в университет. Для нашего приюта государство выделяло в год всего пять бесплатных мест в нескольких высших учебных заведениях. И требовалось сдать экзамен не только на поступление, но и пройти тесты на получение стипендии. Мы ухватились за этот шанс.

На деле план оказался сложнее. Будучи старше на год, Сирша первой ушла из приюта и целый год вкалывала на нескольких работах. В то время она экономила на всём.

Спустя год она поступила в университет, добилась стипендии и выполнила обещание, вернувшись за мной. Я не могла уйти из приюта до совершеннолетия, поэтому Сирше пришлось одной справляться с первоначальными невзгодами. Даже не представляю, где и как она жила, раз нашу первую совместную квартиру, похожую на клоповник, назвала «миленькой».

Разумеется, одной стипендии на двоих не хватало и весь следующий год, пока Сирша привыкала к студенчеству, я вкалывала за двоих, а дома зубрила материал, готовясь к экзаменам.

Первые годы были самыми тяжёлыми, но все трудности нас сплотили, сделав семьёй. Мы поддерживали друг друга, потому что большая часть нашей жизни превратилась в учёбу и подработки без перерывов на отдых. Сперва ради поступления, а потом чтобы не провалить сессии и не вылететь из университета. Лишь год назад регулярно откладываемые деньги перестали исчезать и начали дарить хоть малую свободу в тратах.

Вот и наше пребывание в университете подходило к концу. Я пока не знаю, что делать дальше, но Сирша составила план и умело совмещала учёбу и работу в компании. Она поднялась от помощника секретаря до менеджера на неполной ставке, а теперь нацелилась на одну из самых влиятельных фирм в городе. С её амбициями и умом я не сомневалась, что у Сирши получится.

— Представляю, — серьёзно кивнула я. — Как с этим связан Микель?

— Через пару дней у меня собеседование на стажировку в отдел социологических исследований в компании «Меридий», но я хочу увеличить свои шансы. Микель работает напрямую с Дарданом Хиллом, Кассия. Если мне удастся хоть раз просто поговорить с мистером Хиллом, то уверена, что смогу доказать, что стою практики в их компании. Если я познакомлюсь с Микелем, то, возможно, сумею убедить лучезарного устроить встречу с его начальником.

Шаткий план.

Я закусила губу, припомнив её сегодняшний наряд. Сирша знает, что она красивая. Однажды она сказала, что жизнь не дала нам особых бонусов, поэтому нужно использовать всё, что есть. У неё есть принципы, она никогда не ляжет в чужую кровать ради денег, сексом готова заняться лишь с тем, кто её действительно привлекает. Но флирт и заигрывания Сирша использует при любом удобном случае. Это сработало со всеми, кроме Руфуса. При первой встрече он рассмеялся ей в лицо на попытке строить ему глазки. С тех пор они только и делают, что цапаются.

— Хорошо, но чем я тебе помогу? Ты же знаешь, что я... не особо обаятельная, — неловко замялась я.

Все мои парни были людьми, и самые долгие отношения длились три месяца. Вот уже год я ни с кем не встречалась.

— Ты мне нужна, потому что хорошо оцениваешь обстановку и ко всем подозрительна. Я никогда не общалась с лучезарными и не знаю, чего ждать от этого Микеля.

— Значит, я как моральная поддержка или запасной предлог для побега?

— Вроде того. Хотя надеюсь, что тебе понравится в клубе. Заведи парочку друзей теневых, — подруга игриво приподняла бровь, вызвав у меня скептический смешок.

— Вряд ли «Священный грех» место, где стоит заводить друзей.

— Кто знает, но именно палагейцам известно больше остальных о Переправе и Привратнике. Может, они поделятся информацией, — как бы невзначай бросила Сирша, а я выпучила на неё глаза, зная, что она это специально.

Я правда мечтала пообщаться с теневыми о Переправе, но не знала, где найти таких, а клуб не представляется мне местом, куда ходят поболтать о научных трудах и исследованиях.

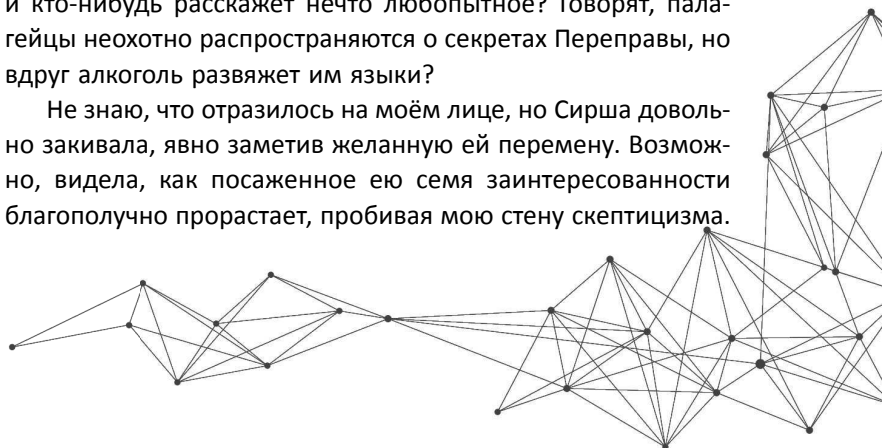
Сирша растянула накрашенные губы в победной улыбке, потому что я продолжила открывать и закрывать рот, не находя достойного категоричного ответа. Может, мне повезёт и кто-нибудь расскажет нечто любопытное? Говорят, палагейцы неохотно распространяются о секретах Переправы, но вдруг алкоголь развяжет им языки?

Не знаю, что отразилось на моём лице, но Сирша довольно закивала, явно заметив желанную ей перемену. Возможно, видела, как посаженное ею семя заинтересованности благополучно прорастает, пробивая мою стену скептицизма.

— Пожалуйста, принесите мне «мохито», а моей подруге «Привратника», — попросила Сирша у подошедшей официантки.

— Хороший выбор, — с дежурной вежливостью ответила та и удалилась.

— Нет, ты действительно специально, — пробормотала я.

«Привратник» — это всего лишь виски с колой. Просто туда добавляют какой-то тёмный краситель, из-за чего коктейль становится чернее ночи. Сирша нагло улыбнулась, и у меня вырвался сдавленный смешок.

Клуб оказался роскошным, а для девушек вход бесплатным. Внешне здание напоминало типичную стеклянную высотку более тридцати этажей. Клуб занял нижние три, а выше — отель. Учитывая, ради каких встреч и развлечений сюда приходят, это не удивило. Мы приехали за час до заката, а значит, обратно нужно будет снова вызывать такси. Мы прямо на границе с районом, принадлежащим тенивым, и только любители острых ощущений могут решить, что шататься здесь в тёмное время суток нормально. Не сказать, что таких не существует, но я к ним точно не отношусь. Тем более без пистолета.

Внутреннее убранство клуба из бетона и мрамора оформили в стиле классицизма с арками, полуколоннами и детально украшенными капителями. Но архитектурную строгость разбавили неоновым светом, зеркалами, тёмными столами и кожаными диванами. Похоже, сегодня вечер живой музыки, потому что на сцене выступает группа людей. Мы с Сиршей расположились на втором этаже, недалеко от бара. Здесь тише, можно разговаривать, а выбранный другой столик с радиусным диваном — отличный вариант при слезке за находящимися в зале. Бара на первом этаже нет, поэтому все, кто хотел купить напитки, проходили мимо нас.

Я глубоко вдохнула и медленно выдохнула, приводя нервное, вторящее громкой музыке сердцебиение в норму. Клуб был забит людьми и тенивыми. Никогда не видела столько палагейцев в одном месте. Не говоря уже о том, что как минимум с тремя из них я успела столкнуться плечом, пока мы пробирались через первый этаж. Такое количество физического контакта с тенивыми для меня также в новинку.

— Хорошо, — вытерев вспотевшие ладони о чёрные джинсы, пробормотала я. — Если ранее ты не встречала Микеля, то как мы его узнаем?

— Я надеялась, что Деклан подскажет. Он теневой, друг Микеля и подрабатывает охранником в клубе, но пока не вижу его, — ответила Сирша, рассматривая толпу.

Я сосредоточенно кивнула.

Деклан. Теневой. Друг лучезарного.

Неожиданно, но ладно.

— Если Деклан не придёт, как нам узнать Микеля? Как он выглядит?

— Внешне Микель нашего возраста. Он... блондин, — приняв виноватый вид, пролепетала Сирша.

— Блондин? — сухо переспросила я.

— Голубоглазый.

— Голубоглазый блондин? — с осуждением повторила я, осознав уровень её подготовки.

Это не шаткий план. Это провал.

— Деклан сказал, что, увидев Микеля, ты его ни с кем не спутаешь, — защитилась Сирша.

— Деклан сказал... — передразнила я, но проглотила претензию.

Подруга втянула голову в плечи, но продолжила умасливать меня своей извиняющейся улыбкой. Нас отвлекла вернувшаяся с напитками официантка.

— За алкоголь платишь ты, — предупредила я, но невольно помедлила перед первым глотком, вспомнив про случаи опьянения в клубах.

Однако Сирша часто бывала здесь, будь место опасным, она бы держалась подальше. Да и я, несмотря на сомнительное название заведения, не слышала ничего криминального про «Святилище греха», поэтому отпила виски с колой.

— Конечно, — мигом просветлела Сирша, поняв, что я, может, и нехотя, но смирилась с новыми условиями нашей задачи.

Мечтательно покачивая головой в такт музыке, Сирша принялась пить «мохито» через трубочку. Я отвернулась к толпе, когда она подмигнула какому-то теневому справа.

Значит, Микель-которого-ни-с-кем-не-спутаешь. *Очень надеюсь, потому что блондинов здесь в достатке.* Я оценивающе рассматривала каждого светловолосого мужчину. Все они казались в возрасте от двадцати до тридцати пяти, однако не стоило обманываться внешностью. Палагейцы и даории живут вдвое дольше обычных людей. Самые же могущественные из них способны протянуть до двух сотен лет: всё зависит от силы в их крови. Стареют они также медленнее, поэтому тот, кто внешне выглядит как тридцатилетний, может быть намного старше, хотя говорят, действительно взрослые теневые и лучезарные не селятся в Санкт-Данаме. По слухам, человеческий уклад интересует только их молодёжь, которая ищет забав и приключений.

Я налегла на свой коктейль, игнорируя взгляды нескольких парней. Поморщилась то ли от алкоголя, то ли от мысли, что наш мир для них будто какой-то парк развлечений.

Мы высматривали Микеля не меньше двадцати минут, прислушиваясь к разговорам. Все окружающие теневые беседовали исключительно на языке людей. Тоже один из старых законов. Желаешь жить, работать или веселиться в Санкт-Данаме — должен знать местный язык и разговаривать только на нём. Принят закон был давно. С одной стороны, он облегчил нам жизнь, с другой — сильно сократил желание самих людей пытаться учить палагейский или даорийский. Некоторые из профессоров считают, что подобные провалы в знаниях и являются главными препятствиями, не позволяющими нам лучше понимать соседей даже спустя столько лет. Некоторые выступают за принятие палагейского в качестве второго официального языка, но власти пока отклоняют эту идею.

За двадцать минут слепого поиска Микеля Сирша успела несколько раз отлучиться, поприветствовать друзей и проверить третий этаж. Я же выпила половину своего коктейля, когда Микель всё-таки пришёл, и чуть не выругалась вслух, убедившись, что Деклан был прав.

Микеля действительно сложно спутать с кем-либо. Мне хватило увидеть его профиль, чтобы это понять. Лучезарный облокотился на барную стойку и с улыбкой что-то заказал у красноволосой барменши. Та была низкого роста, а милостивое лицо с небрежным пучком на голове делало её в разы младше, чем она есть. Барменша лопнула пузырь жвачки, подмигнула Микелю и отошла. Я вовремя закрыла разинутый рот, прежде чем лучезарный повернулся. Он без остановки обвёл периметр зала вниманием, вряд ли нас с Сиршей он вообще заметил.

Тяжело было сказать, что именно в Микеле произвело такое яркое впечатление. Может, все лучезарные оказывают схожее влияние? На лекциях изобразительного искусства мы разбирали период веры в Единого Бога и образы окружающих его ангелов. Так вот Микель очень на них походил, и ясно, почему фанатики по-прежнему боготворят даориев, видя в них «посланников божьих».

У Микеля голубые глаза, красивое лицо, не лишённое мужественности. Светлые волосы едва касались плеч, но верхнюю половину он стянул в хвост, чтобы пряди не падали на глаза. Высокий рост, стройное подтянутое тело. Белая футболка, чёрная куртка, голубые джинсы. Я растерянно моргнула.

Может, его невозможно с кем-либо спутать, потому что он единственный с мечом за спиной? Для их расы это привычное оружие, но я впервые увидела, чтобы кто-то с такой лёгкостью пронёс лезвие в клуб. Окружающие его люди и теньевые расступились, оставив Микелю полтора метра свободного пространства в диаметре. Если он и заметил, то выглядел так, словно это было в порядке вещей. Мои брови удивлённо поползли вверх, и пелена очарования немного спала, когда я уставилась на его белые кроссовки. Почему-то это показалось забавным. Большинство мужчин щеголяли в ботинках и начищенных туфлях.

— Похоже, Микеля мы нашли, — бросила я Сирше.

Подруга с благоговением тарасилась на даория, её взгляд непрерывно скользил по нему вверх и вниз, будто